

В белом приморском коттедже царил полумрак. Цзинь Шу сидел в глубоком кресле у окна; половина его лица тонула в густой тени. В очертаниях его фигуры угадывалась глубокая усталость — было очевидно, что его бесцеремонно вырвали из сна посреди ночи.

Напротив, сгорая от неловкости, примостился Сяо Ши. Он виновато и очень осторожно произнёс:

— Кто же мог подумать, что Ань Гэ решится на такую грязную выходку...

Цзинь Шу упёрся локтем в подлокотник, подперев лоб ладонью и прижав пальцы к вискам. На нём был простой домашний халат чёрного цвета, волосы оставались небрежно взъерошенными, а на лице не было ни следа грима. Без привычного блеска софитов, просто сидя спиной к утреннему морю и встающему солнцу, он выглядел так, что даже у Сяо Ши, видевшего его ежедневно, перехватило дыхание.

Он был слишком хорош собой.

От этого зрелища ассистенту становилось не по себе.

В самом начале пути на Цзинь Шу обрушилась лавина критики. Причиной тому была его гордыня. Сейчас в индустрии все судачат о заносчивости Ань Гэ, но если вернуться на восемь лет назад, то на его фоне этот мальчишка показался бы образцом скромности.

В те годы шестнадцатилетний Цзинь Шу одарял каждого ледяным, безучастным взглядом, а всё его существо буквально кричало: «Я здесь пуп земли, а вы все — никто». И ведь он действительно имел на это право. Уже тогда его рост достигал ста девяноста сантиметров, а слегка вьющиеся каштановые волосы и пронзительные синие глаза заставляли любого тонуть в них без остатка.

Именно из-за выдающейся внешности его прежнее агентство костыми легло, лишь бы затащить парня в шоу-бизнес.

В начале карьеры Цзинь Шу выступал как певец. Он основал собственную рок-группу, где был вокалистом, сам писал песни, играл на клавишных и басу. Компания не жалела сил на его продвижение, но сам он относился ко всему слишком беспечно, словно популярность его нисколько не заботила. Восемь лет назад шоу-бизнес в стране ещё не знал таких агрессивных пиар-кампаний, как сейчас. Цзинь Шу жил в своё удовольствие: писал музыку, давал концерты. Выпустив два отличных альбома, он предсказуемо стал известен, хотя до безумной славы было ещё далеко.

Однако стоило ему заявить о себе, как на первом же сольном концерте случилась беда. Одна из фанаток потеряла сознание от избытка чувств. В толпе поднялась суматоха, девушку едва не затоптали. Подроспевшие охранники начали грубо расталкивать людей, завязалась потасовка. Заметив это со сцены, Цзинь Шу, не раздумывая, схватил микрофонную стойку, спрыгнул вниз

и в несколько ударов уложил самых ретивых секьюрити вместе с парой буйных зрителей.

Последствия были сокрушительными.

Именно тогда, на самом пороге оглушительного успеха, семнадцатилетний Цзинь Шу на целый год сделался мишенью для всеобщей ненависти.

Публика решила, что бунтарь окончательно исчез с радаров. Он действительно забросил музыку, да и агентство избегало любых упоминаний о нём. Но год спустя, едва отпраздновав совершеннолетие, восемнадцатилетний Цзинь Шу вернулся.

Он предстал перед публикой с ультракороткой стрижкой угольно-чёрного цвета и целой чередой обсидиановых гвоздиков в ухе. Первым же его проектом, ошеломившим индустрию, стал контракт с популярнейшим зарубежным брендом уличной моды. В те годы сегмент стритвира в Китае только зарождался, этот бренд первым официально зашёл на рынок, а в местном шоу-бизнесе не было ни одного артиста с похожим дерзким имиджем.

Его рекламные постеры заполонили всю страну. Чёрные короткие волосы и холодный, пронзительный взгляд синих глаз мгновенно врезались в память миллионов людей.

Вернувшийся Цзинь Шу изменился. Став совершеннолетним, он начал методично зарабатывать деньги, берясь за любую работу: снимался в дорамах, участвовал в развлекательных шоу, появлялся в фильмах и бесконечных рекламных кампаниях. Он трудился практически без выходных.

Но больше никогда не пел.

Гордость никуда не делась, но теперь он научился улыбаться на камеру и говорить правильные вещи в правильное время.

Наконец, после выхода его дебютного кинофильма, где он сыграл лишь второстепенную роль, пришла оглушительная слава. В двадцать лет, облачённый в безупречный чёрный костюм, он поднялся на сцену за своей первой наградой в номинации «Лучший дебютант».

В своей благодарственной речи он обронил фразу, которая врезалась в память каждому: он поблагодарил свою первую любовь.

Это вызвало грандиозный скандал. Какой молодой айдол в здравом уме станет публично заявлять о первой любви? Разве это не прямая травма для армии влюблённых фанаток?

И тем не менее, он это сделал.

Возможно, ему благоволила судьба: поклонницы, конечно, погрузили, но быстро прониклись его искренностью. Выиграть престижную награду спустя столько лет и со сцены вспомнить о первой любви — разве это не предел романтики? Каждая девушка мечтала о таком парне. В сети тут же завирусился хэштег: «Если бы моим первым парнем был Цзинь Шу...»

Именно тогда Сяо Ши устроился к нему ассистентом.

Историю своего босса Сяо Ши собирал по крупицам из старых интернет-публикаций и обрывков разговоров коллег по цеху. Поначалу ему верилось с трудом, что этот безупречно вежливый, харизматичный и тактичный мужчина когда-то был безрассудным бунтарём.

Но после той речи на церемонии награждения Сяо Ши понял: Цзинь Шу остался прежним. Он всё так же плевал на условности, просто научился это скрывать.

О его головокружительном успехе за последние четыре года излишне даже говорить.

Цзинь Шу обрёл истинную солидность. Прежнее надменное величие больше не выглядело на нём как чужой костюм с чужого плеча. Теперь его авторитет сочетался с безупречными манерами джентльмена, создавая ощущение надёжности и спокойствия.

Впрочем, сам Цзинь Шу редко баловал окружающих мягкостью.

Вот и сейчас Сяо Ши чувствовал себя так, словно его заперли в ледяной пещере.

Работать с Цзинь Шу было не так уж сложно: в хорошем расположении духа он мог пошутить и всегда уважительно относился к персоналу. По натуре он оставался истинным джентльменом. Именно благородство побудило его когда-то сорваться со сцены, рискуя карьерой, чтобы спасти упавшую фанатку.

Но порой Сяо Ши невольно робел перед ним, особенно когда команда допускала промахи, как в этот раз.

Их мир, ослепительный снаружи, изнутри кишел грязными сделками. Ради выживания и славы многим приходилось жертвовать принципами. Цзинь Шу же держался особняком, и к нему никто не смел лезть с сомнительными предложениями. В индустрии давно шептались о его непростом происхождении, но за столько лет ни один слух так и не подтвердился фактами. Цзинь Шу учился за границей, вернулся на родину лишь в шестнадцать лет и сразу попал в шоу-бизнес. У него не было школьных или университетских друзей в Китае, так что репортёрам просто не у кого было брать интервью. Даже подробности его зарубежного образования оставались за семью печатями.

Сяо Ши никогда не видел его родителей и ни разу не слышал, чтобы босс упоминал о них, но в слухи верил. В конце концов, если бы за Цзинь Шу никто не стоял, с какой стати известнейший

мировой бренд доверил бы рекламу восемнадцатилетнему юнцу после года забвения?

И всё же колоссальный труд, который Цзинь Шу вкладывал в работу, оправдывал каждый полученный им цент. Даже если у него и был влиятельный покровитель, своего триумфа он добился сам.

Тайна происхождения окружала его ореолом загадочности, а исключительное упорство добавляло его образу неоспоримого величия.

Молчание затягивалось, и Сяо Ши нервничал всё сильнее.

Он во все глаза смотрел на босса, пока тот наконец не поднял взгляд.

— Что вы предприняли? — негромко спросил Цзинь Шу.

— Мы уже подчистили все негативные комментарии на ключевых площадках. Менеджеры Ань Гэ пытаются выйти на связь. Сейчас у нас есть два пути. Если мы решим полностью разорвать с ним контакты, то перенаправим весь гнев общественности на самого Ань Гэ, а вас выведем из-под удара. Если же мы планируем сохранить нейтралитет, можно пойти на сотрудничество. Он сам во всеуслышание заявил, что вы его кумир, так что для нас это даже выгодно. Главное — правильно скоординировать фанатов.

Цзинь Шу тихо вздохнул.

Сяо Ши и остальные в корне заблуждались. Причина, по которой он хранил молчание, крылась вовсе не в выходах Ань Гэ.

Но откуда им было знать?

В этот момент в кабинет заглянула Лин-цзе, пиар-менеджер Цзинь Шу:

— Босс, Ань Гэ просит соединить его с вами по телефону.

Цзинь Шу покачал головой:

— Я не стану с ним разговаривать. Передай ему: второго шанса не будет.

Лин-цзе переглянулась с Сяо Ши и молча вышла. Повернувшись к боссу, ассистент уточнил:

— Значит, мы соглашаемся на сотрудничество с Ань Гэ?

— Нин Сю хорошо к нему относится, — пояснил Цзинь Шу. — А Нин Сю — уважаемый мной старший коллега. Ради него я не стану топить парня. Но это разовое снисхождение. Ань Гэ ещё глуп. Он всего лишь ребёнок... Хм.

Сяо Ши мысленно утёр холодный пот.

«Вообще-то вам самому всего двадцать четыре. Обычные люди в этом возрасте только-только оканчивают университет»

— Остальное меня мало волнует. Проследите, чтобы фанаты не пострадали. И самое главное: немедленно удалите из сети тот снимок с парнем.

Сяо Ши опешил:

— Что?

— Удалить фото. Прямо сейчас. И проконтролируйте, чтобы это лицо больше никогда не всплывало на публичных ресурсах. Появится один раз — удаляйте. Появится дважды — стирайте снова. Сколько бы раз оно ни всплывало, избавляйтесь от него безжалостно, — Цзинь Шу поднялся во весь рост и в упор посмотрел на помощника. — Всё понял?

Сяо Ши торопливо закивал:

— Да, всё сделаю.

— Иди.

Ассистент поспешил на выход. По дороге он вспомнил, что так и не успел толком рассмотреть фотографию загадочного юноши, и вытащил смартфон.

Взглянув на экран, он обомлел. Как так вышло, что Цзинь Шу лично поставил лайк под этим постом? И как теперь быть? Удалять ли саму публикацию, раз уж босс её отметил?

Но парень действительно был сказочно хорош собой. И это при том, что он явно не имел никакого отношения к шоу-бизнесу.

Цзинь Шу на цыпочках вошёл в спальню. Он не хотел будить маленького Цзинь Бэйбэй, который должен был крепко спать.

Но едва переступив порог, он заметил короткую вспышку экрана под одеялом. Крошечный силуэт на кровати едва заметно шевельнулся.

Цзинь Шу подошёл ближе и, скрестив руки на груди, молча уставился на сына. Бэйбэй не выдержал напряжения и снова заёрзал.

— Цзинь Бэйбэй, и чем мы тут занимаемся?

Сын промолчал, лишь глубже зарылся под одеяло.

— В первый же день капризничаешь. Отправлю тебя обратно домой, так и знай.

— Хм-ф! — сердито буркнул Бэйбэй и резко сбросил одеяло.

— Зачем взял телефон? Говори.

Малыш спрятал смартфон под живот, перевернулся на бок и демонстративно проигнорировал отца.

Цзинь Шу наклонился и попытался перевернуть упрямого ребёнка. Бэйбэй завозился и сердито закричал:

— Терпеть не могу папу! Терпеть не могу!

Но как бы сильно он ни бунтовал, совладать с силой взрослого мужчины ему было не под силу. Цзинь Шу ловко вытащил телефон из-под детского животика и разблокировал экран. На дисплее горела его личная страница в Weibo. И там, среди недавней активности, красовался свежий лайк под фотографией Ин Фэна.

Атмосфера в спальне мгновенно стала ледяной.

Почувствовав, как тяжело нависла над ним фигура отца, Бэйбэй притих. Он лежал на животе и больше не смел шевелиться.

— Цзинь Бэйбэй, — позвал Цзинь Шу.

Ребёнок застыл.

— Зачем ты это сделал? — Голос отца прозвучал непривычно строго.

Малыш вздрогнул от страха и попытался уползти вперёд, чтобы спрятать голову под подушку, но стальной тон отца остановил его:

— Отвечай.

— Уа-а-а! — Бэйбэй не выдержал давления и разразился горячими слезами, из его глаз градом покатились крупные слезинки.

— Слезами ты ничего не добьёшься. Отвечай, зачем ты это сделал?

Бэйбэй со слезами на глазах поднялся на колени, дрожа от обиды и злости:

— Мне нравится учитель Ин! Учитель Ин красивый! А те люди, с которыми ты снимаешься, ужасно некрасивые! Я их терпеть не могу! Ненавижу твои съёмки и твоих фанатов! Из-за них ты никогда не бываешь дома! А учитель Ин добрый! Он самый красивый и заботится обо мне! Он рассказывает мне сказки и помогает делать уроки! Я хочу, чтобы учитель Ин стал моим папой! А тебя я вообще не люблю! Уа-а-а!

Цзинь Шу почувствовал, как к горлу подкатывает ком досады и тревоги. Видеть, как горько рыдает собственный сын, было невыносимо.

Но он всегда старался быть строгим отцом. Помедлив пару секунд, он опустил на край кровати и осторожно похлопал мальчика по вздрагивающей спине:

— Ну же, ты ведь будущий мужчина. Стоит ли так убиваться из-за пустяка?

Но это лишь подлило масла в огонь — Бэйбэй зарыдал ещё громче.

У Цзинь Шу разболелась голова. Беспомощно вздохнув, он произнёс:

— Если тебе так нравится учитель Ин, неужели ты не понимаешь, что своим поступком ты подвергаешь его опасности?

— А? — Малыш шмыгнул носом и непонимающе уставился на отца сквозь пелену слёз.

— Интернет — опасное место, там полно злых людей. Ты поставил лайк с моего официального аккаунта. Теперь миллионы пользователей увидят его лицо. Ты хочешь, чтобы его начали травить? Знаешь, что такое деанонимизация? Понимаешь, как это страшно?

Слова отца напугали Бэйбэй. Он испуганно замер, всхлипывая, и неуверенно кивнул:

— Дядюшка Сяо Ши рассказывал... Это когда чужие люди нападают...

— Теперь ты понимаешь, в чём твоя ошибка?

— Понимаю... — Мальчик разрыдался с новой силой, утыкаясь личиком в ладони.

Цзинь Шу снова вздохнул и посмотрел на экран телефона. Убирать лайк прямо сейчас было бессмысленно — это лишь привлечёт ненужное внимание дотошных фанатов и прессы.

Он тут же набрал номер Сяо Ши и отдал распоряжение: любыми путями удалить исходный пост, пока его не успели растащить на скриншоты, и установить жёсткий мониторинг сети. Никакая личная информация об Ин Фэне не должна просочиться в открытый доступ — имя «Ин Фэн» следовало блокировать при малейших попытках поиска. Чтобы отвлечь внимание, Цзинь Шу приказал Сяо Ши зайти в его Weibo и демонстративно лайкнуть несколько постов обычных фанатов, а затем выпустить официальное заявление от лица агентства, закрывая тему раз и навсегда.

Со второй частью задачи Сяо Ши справился бы с закрытыми глазами. А вот первая половина поручения вызвала у него недоумение. Тем не менее, задавать лишние вопросы он не решился и бросился исполнять приказ.

Завершив звонок, Цзинь Шу вновь перевёл взгляд на экран, разглядывая злополучный снимок.

Сходство действительно поражало.

Кто-то обработал фотографию Ин Фэна, наложив фильтры в той же цветовой гамме, что использовалась в его собственных фотосессиях. Но в том, как Ин Фэн оглядывался на сцену, в мимолётном взмахе его ресниц и лёгком прищуре крылось нечто такое, чего Цзинь Шу никогда не удавалось воссоздать перед объективами камер. Эмоции актёра были лишь безупречной имитацией. Чувства учителя Ин были чистой, неподдельной правдой.

Бэйбэй, всё ещё содрогаясь от редких всхлипов, обиженно пробормотал:

— Всё равно учитель Ин красивее всех! Та тётя, которая играла твою невесту в прошлом фильме, была жутко страшной! А по телевизору показали, что вы поженились и у вас родился ребёнок! У-у-у... Я не хочу такого папу, пусть моим папой станет учитель Ин...

Палец Цзинь Шу непроизвольно задержался на экране. Выплыло контекстное меню, и он нажал кнопку «Сохранить».

Заметив это, Бэйбэй недовольно надулся:

— Зачем ты сохранил фотографию учителя Ин? Я ведь её уже скачал!

Цзинь Шу поднял глаза на сына и невозмутимо ответил:

— Я тоже нахожу его гораздо симпатичнее тех актрис. Почему мне нельзя сохранить его снимок?

Бэйбэй обиженно выпятил нижнюю губу и отвернулся, едва сдерживая новые слёзы.

<http://bllate.org/book/20637/2131313>